

Ю.Ф. Кирюшин, П.И. Шульга
(Барнаульская лаборатория ИАЭ СО РАН)

Андроновское погребение на реке Чарыш

Находки памятников андроновской культуры в предгорьях Северо-Западного Алтая сравнительно немногочисленны [1, с. 155-159; 2, с. 229; 3, с. 104-110; 4, с. 7-8]. Один из них обнаружен на правом берегу р. Чарыш у с. Куйбышево Краснощековского района Алтайского края. В результате обвала стенки песчаного карьера обнаружилось погребение в каменном ящике (рис. 1). Ящик не был заполнен грунтом, что позволило местным жителям беспрепятственно похитить все вещи, череп, крупные кости скелета (скелетов?).

Летом 1996 г. одним из авторов доисследованы остатки захоронения. Ему удалось вернуть происходившие из него керамический сосуд и золотую серьгу (рис. 2). По протекающему неподалеку ручью и урочищу могильник получил название Чесноково-1. Установлено, что захоронение совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной по линии З-В, размерами около 240х130 см. На дне ямы, глубиной 210 см от уровня древней поверхности, находился ящик из гранитных плит (рис. 1). Над северо-западным углом ящика (в 5 см выше перекрытия) был установлен несколько расширяющийся к вершине гранитный столб размерами 204х30х25 см (рис. 1-2, 6). Очевидно, уже при засыпке могилы он был привален к южному краю ямы, возвышаясь над уровнем древней поверхности примерно на 40 см. На поверхности яма заключена в кольцо из уложенного в два слоя рваного камня размерами от 17х15х6 до 35х25х15 см. Ширина кольца — 1-1,5 м, диаметр — около 7-8 м (рис. 1). По центру находилась редкая наброска мелкого камня в один слой, на 25-40 см ниже верха кольцевой выкладки. При доисследовании могильной ямы за южной стенкой ящика обнаружен позвонок человека. Заслуживает внимания устройство каменного ящика. Составлен он из четырех плит: двух продольных, размерами 195х200х70х10 см, и вставленных между ними двух торцовых, размерами 70х70х78 см. Сверху находилась плита-перекрытие размерами 210х105х10-13 см (рис. 1-3). Все они, как и столб, изготовлены из серого с черными вкраплениями гранита, выходы которого, в виде примечательной своей живописностью горы, нахо-

дятся в 2 км выше по реке Чарыш. Здесь видны десятки обточенных природой гранитных плит, подходящих для сооружения ящиков. Они обтесывались до плоских и прямоугольных форм. Затем торцовые плиты с трех сторон (кроме нижней), соприкасающихся с боковыми и верхними плитами, дополнительно выравнивались и шлифовались, боковые — по верхним граням, соприкасающимся с плитой-перекрытием, и с внутренних сторон (11-12 см от их концов), в местах соединения с торцовыми вышлифовывались пазы глубиной до 1-2 см, шириной — около 10 см (рис. 1-5, 6).

Погребения в каменных ящиках чрезвычайно редки для Алтая и встречаются пока только в предгорьях, ближе к границе с Казахстаном. Еще одно такое андроновское погребение Сигнал было встречено в Третьяковском районе на реке Плоская, недалеко от одноименного села [5, с. 98-99; 6, с. 210]. В том же районе В.А. Могильниковым на андроновском могильнике Корболиха вскрыто 6 курганов с прямоугольными, округлыми каменными оградами и захоронениями в глубоких ямах, перекрытых крупными каменными плитами. По мнению авторов, могильник близок к андроновским памятникам Восточного и Центрального Казахстана [2, с. 229].

В.В. Бобров приводит сведения о камнях-obelisks и деревянных столбах, установленных в отдельных андроновских могилах. Встречаются они в памятниках Среднего Енисея (7 столбов и 2 камня-obelisks), в Кузнецкой котловине (11 столбов), на Южном Урале, Центральном и Восточном Казахстане [7, с. 55]. По его мнению, столбы связаны с деревянными могильными конструкциями, камни — с каменными ящиками, а сами эти сооружения имеют отношение к мужским захоронениям и устанавливались обычно в области головы [7, с. 55-57].

Изучение размеров плит как будто указывает на наличие у андроновцев каких-то мер длины, кратных или равняющихся 70 см (стороны торцовых плит, высота боковых) и 200-210 см (длины боковых плит, плиты-перекрытия и столба). Близкие размеры имеют плиты подобного ящика

из андроновского погребения Сигнал в Третьяковском районе Алтайского края [6, рис. 51, с. 210]. Существование фиксированных мер длины отмечено в раннескифских курганах [8, с. 78-81]. Для скифского времени один из авторов отметил повторяющиеся отрезки (около трех метров) между стелами у “царских” курганов Сентелека и Боочи (Горный Алтай) и ранжирование длин могил в сакских курганах Локоть 4а (степной Алтай) в зависимости от положения умершего: около 160 см — детские; около 260 — рядовые; около 320 — центральные могилы; 400-420 см — самые крупные центральные могилы [9, с. 114].

Сосуд, найденный в погребении, имел диаметр 22 см и высоту 23,5 см (рис. 2-1). По шейке он украшен тремя неширокими желобками, а по плечикам пятью рядами отпечатков крупнозубого штампа, образующими елочный узор. Сосуд типичен для андроновской культуры.

Наибольший интерес представляет золотая серьга (рис. 2-2). Ее диаметр — 4,5 см, толщина — 0,2 см. Серьга отлита в двухсторонней литейной форме, следы литейных швов тщательно удалены. Один ее конец расплюсчен, а затем свернут трубочкой, на которой оформлена голова змеи с раскрытой пастью и глазом, а второй заострен в виде хвоста, вставленного в пасть змеи (рис. 2-3, увеличено в 1,75 раза). На серьге, ближе к хвосту, головой к пасти змеи, отлиты два коня, стоящих или идущих один за другим. Кони небольшие, с торчащими ушами, стоячей гривой, короткой выступающей вперед челкой и длинными хвостами. Они изображены в классическом сейминско-турбинском стиле. Подобная золотая серьга была обнаружена при раскопках могильника Мын-Шункур у с. Капал в северо-западном предгорье Джунгарского Алатау. Серьга с раструбом, который немного обломан. Могильник оказался ограбленным, было найдено еще две золотые серьги (видимо, простых) и три глиняных сосуда без орнамента, типичных для андроновской культуры.

А.К. Акишев датировал эту серьгу X-VIII вв. до н.э. [10, с. 52, табл. VII, 16], привел аналогии этой серьге в зооморфных изображениях на сейминских и турбинских ножах [11, с. 9, 233]. Но затем он сделал неожиданный вывод о том, что принадлежность последних к карасукской культуре Южной Сибири считается неоспоримой, а отсюда и датировал ее XII-X вв. до н.э.

[11, с. 9]. З.С. Самашев и Г. Жумабекова относят эту серьгу к кругу предметов сейменско-турбинского типа и считают, что формирования скифского звериного стиля шло на основе и стилистике сюжетов сейменско-турбинской традиции [12, с. 27]. Эту серьгу публикует и Е.Е. Кузьмина [13, с. 5], которая также видит аналогию ей в сейминско-турбинских бронзах [13, с. 256], но относит могильник Мын-Шункур к числу ранних семирических памятников, сопоставимых с федоровскими Восточного Казахстана, и делает очень неожиданный вывод о том, что в Алтайском крае и предтаежной Сибири распространение сейминской металлургии и искусства связано именно с андроновскими федоровскими памятниками [13, с. 260]. Рассмотрим подробнее всю систему доказательств, приводимых этими авторами. Действительно, серьги с Алтая и из Казахстана близки между собой, хотя и имеют некоторые отличия в отдельных деталях изображения самих коней, нет головы змеи на одном из концов серьги из Казахстана. Древними мастерами изображен один тип лошади, имеющей небольшой рост, крупную голову с густой стоячей гривой, короткие мощные ноги и длинный хвост. Подобный тип лошадей изображен на ряде бронзовых ножей, каменных жезлах, различных подвесках и других изделиях. Так, на навершии ножа из Сеймы изображены конь и кобылица [14, рис. 52], на ноже из Ростовки изображен конь, тянувший за поводья лыжника [15, рис. 33], на рукояте ножа из могильника Елунино на Алтае изображена голова такого же типа лошади с острыми ушами, раздутыми ноздрями и мощной вертикальной гривой [16, с. 75, рис. 2], подобная рукоять ножа с головой коня найдена в Горном Алтае [17, с. 166]. Два каменных жезла с изображением головы коня происходят из Казахстана: один из Семипалатинской области [18, рис. 21], второй из Усть-Каменогорского района [19], третий найден в Омском Прииртышье [20, рис. 16-1]. Из Омского Прииртышья происходит каменная подвеска, представляющая собой скульптурное изображение лошади [21, с. 196]. У кобылицы из Сеймы и коня из Ростовки имеется узда. Видимо, узда в виде луча прослеживается и у коней из степного и Горного Алтая. Один из авторов уже приводил мнение ряда исследователей и высказывал свое, что на этих ножах изображена одомашненная лошадь Пржевальского, [22,

с. 117], ареал распространения которой в древности, по мнению С.Н. Боголюбского, охватывал степи Западной Сибири, доходя до самого Урала, где должен был соприкасаться с ареалом распространения более легкой и грациозной европейской дикой лошади — тарпана [23, с. 496]. Эта лошадь еще не прошла многовекового селекционного отбора и еще ничем не отличается от своего дикого предка. Мнение Е.Е. Кузьминой о том, что на ножах Алтая изображены не лошади, а куланы-джигетаи [13, с. 256], вряд ли правомерно. Это один и тот же тип уже домашней лошади, представленной на ножах и жезлах, а не кулана-джигетая, который, как известно, не поддается приручению.

Мощный бронзолитейный центр складывается на Алтае уже в начале второго тысячелетия до нашей эры, о чем свидетельствуют многочисленные находки сейминско-турбинских бронзовых изделий, литейные формы, многочисленные древние рудные разработки и орудия горного дела [24, с. 68]. Этот центр сложился задолго до появления андроновцев на Алтае. Калиброванные радиоуглеродные даты по могильнику Цыганкова Сопка дали возраст 1910 ± 90 гг. до н.э. (ГИН — 4845) [24, с. 68], а по костяку 2 могилы 3 Елунинского могильника — 1810 ± 80 гг. до н.э., а простые даты дали возраст 1610 ± 30 гг. до н.э. по Елунино и 1710 ± 75 — по поселению Коровья Пристань III [24, с. 68; 25, с. 86]. Одним из авторов уже высказывалось мнение об алтайском происхождении некоторых кате-

горий сейминско-турбинского инвентаря [22, с. 196]. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых высказывают предположения о формировании сейминско-турбинского феномена на Алтае уже в предшествующие XVI в. до н.э. столетия [26, с. 261]. В это же время у племен Алтая и Восточного Казахстана сформировался культ коня, игравшего огромную роль в хозяйстве ранних скотоводческих племен. Все это позволяет сделать вывод о том, что какой-то сейминско-турбинский компонент принял участие в формировании андроновской культуры, а андроновские племена явились преемниками какой-то части искусства предшествующих племен, относящихся к кругу культур сейминско-турбинского типа.

В ходе ограниченных работ 1996 г. на курганном могильнике Чесноково-1 новых андроновских погребений не выявлено. Однако местные жители рассказывают, что среди десятков скелетов, перстней, браслетов и других вещей в последние 10-15 лет находили одно-два бронзовых “кольца”, подобных серье из кургана I с двумя лошадами. О крупных гранитных плитах информаторы не сообщали. При обследовании карьера они также не найдены, за исключением участка, названного “объект ц9”, где имеется обломок столбообразной стелы, типа найденной в кургане ц1.

Все эти данные позволяют считать северо-западные отроги Алтайских гор чрезвычайно перспективными для поиска и исследования памятников андроновской культуры.

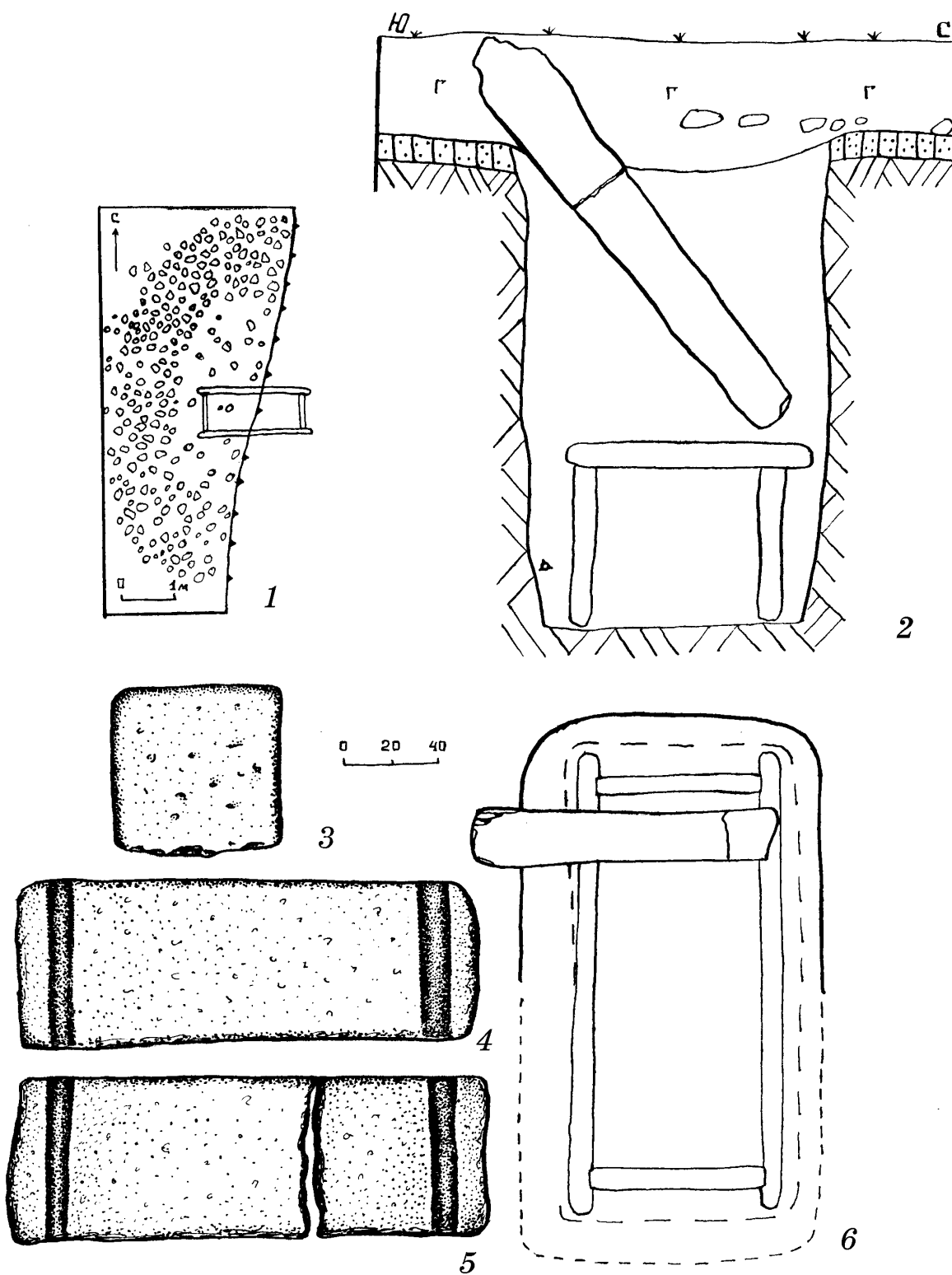

Рис. 1. План курганного могильника Чесноково I (1) и погребение в каменном ящике (2-6)

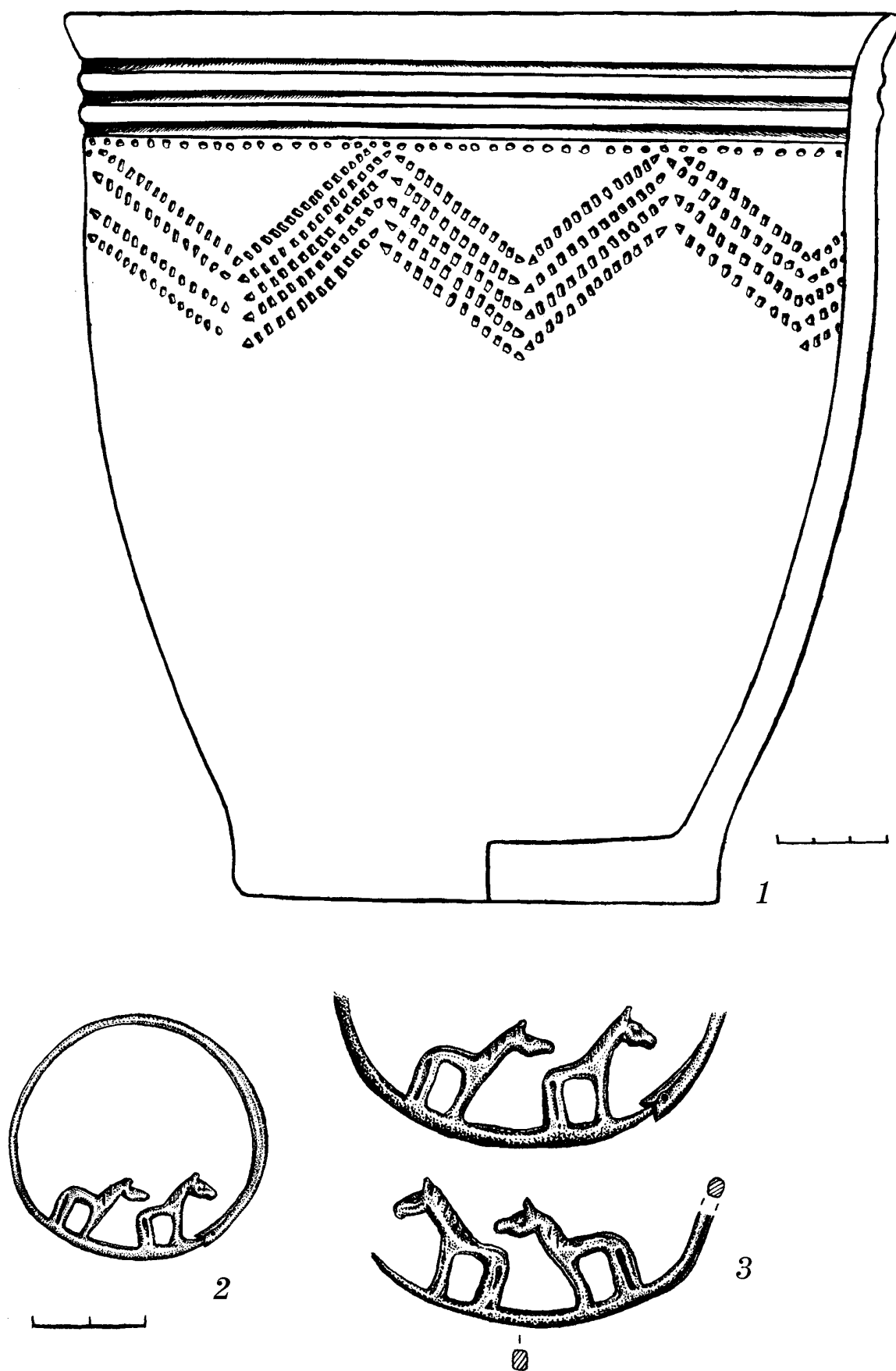

Рис. 2. Сосуд (1) и золотая серьга (2-3) из погребения могильника

Литература

1. Могильников В.А. Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее//Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 229-330.
2. Могильников В.А., Конников Б.А., Лунев Б.В. Алейская экспедиция//Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 229-230.
3. Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая//Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73-117.
4. Кирюшин Ю.Ф., Скубневский В.А. Предисловие//Памятники истории и культуры юго-западных районов в Алтайском крае. Барнаул, 1996. С. 3-11.
5. Тишкин А.А. Различные случайные археологические находки из северо-западных предгорий Алтая//Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Часть I. Барнаул, 1993. С. 98-102.
6. Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б. Третьяковский район: памятники археологии//Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтая. Барнаул, 1996. С. 194-210.
7. Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана//Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 54-57.
8. Балонов Ф.Р. К реконструкции некоторых сторон метрологии (мер длины) культур скифо-сибирского круга//Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 78-81.
9. Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. О ходе работ по созданию Сентелекского заповедника//Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 109-114.
10. Акишев А. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. 176 с.
11. Акишев К.А. Происхождение "звериного стиля" в изобразительном искусстве саков//Маргулановские чтения. Ч. I. М., 1992. С. 4-9.
12. Самашев З.С., Жумабекова Г. К вопросам о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана//Известия национальной Академии наук республики Казахстан. 1993. № 5. С. 23-33.
13. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индо-арии? М., 1994. 464 с.
14. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. 176 с.
15. Матющенко. Нож из могильника у деревни Ростовка//КСИА 1970. № 123. С. 103-105.
16. Кирюшин Ю.Ф. О культурной принадлежности памятников предандоновской бронзы лесостепного Алтая//Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 72-77.
17. Киреев С.М., Кудрявцев П.И. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 164-166.
18. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы//МИА. 1960. № 88. С. 88-271.
19. Славин П.П. Каменный жезл с головой коня//КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 125-126.
20. Мошинская В.И. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья//КСИИМК. 1952. Вып. XIII. С. 45-55.
21. Глушков И.Г. Раскопки поселения Саранин II//Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 196.
22. Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби//Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100-125.
23. Боголюбовский С.Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959. 560 с.
24. Кирюшин Ю.Ф. О феномене сейменско-турбинских бронз и времени формирования культур ранней бронзы в Западной Сибири//Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 66-69.
25. Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. Некоторые вопросы хронологии памятников бронзового века Алтая//Маргулановские чтения. М., 1992. С. 84-90.
26. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. С. 320.

Список сокращений

КСИА — Краткие сообщения института Археологии.

КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

